

Джон Голсуорси
РВАНЫЙ БОТИНОК (1923)

Оригинал фрагмента на английском языке	Перевод фрагмента на русский язык
<p>The actor, Gilbert Caister, who had been "out" for six months, emerged from his east-coast seaside lodging about noon in the day, after the opening of "Shooting the Rapids", on tour, in which he was playing Dr Dominick in the last act. A salary of four pounds a week would not, he was conscious, remake his fortunes, but a certain jauntiness had returned to the gait and manner of one employed again at last.</p> <p>Fixing his monocle, he stopped before a fishmonger's and, with a faint smile on his face, regarded a lobster. Ages since he had eaten a lobster! One could long for a lobster without paying, but the pleasure was not solid enough to detain him. He moved upstreet and stopped again, before a tailor's window. Together with the actual tweeds, in which he could so easily fancy himself refitted, he could see a reflection of himself, in the faded brown suit wangled out of the production of "Marmaduke Mandeville" the year before the war. The sunlight in this damned town was very strong, very hard on seams and buttonholes, on knees and elbows! Yet he received the ghost of aesthetic pleasure from the reflected elegance of a man long fed only twice a day, of an eyeglass well rimmed out from a soft brown eye, of a velour hat salvaged from the production of "Educating Simon" in 1912; and in front of the window he removed that hat, for under it was his new phenomenon, not yet quite evaluated, his <i>mèche blanche</i>. Was it an asset, or the beginning of the end? It reclined backwards on the right side,</p>	<p>В полдень следующего после премьеры «Преодолевая пороги» дня актер Гилберт Кейстер, пробывший «не у дел» целых шесть месяцев, наконец вышел на прогулку из своего номера на восточном побережье. В последнем акте этого представления он играл доктора Доминика. Кейстер осознавал, что четыре фунта в неделю особо не изменяют его судьбу, но все же его походка и манеры обрели некоторую бодрость вновь нанятого работника.</p> <p>Закрепив у глаза монокль, актер задержался у прилавка с рыбой и с легкой улыбкой на лице начал разглядывать омаров. Он не ел их уже целую вечность! Наверное, кто-то на его месте еще долго бы оставался стоять, возжелая омара, тем более, что это не стоило ни гроша. Но нашему герою этого оказалось недостаточно, и он продолжил свой путь. Выше по улице Кейстер вновь остановился, на этот раз — напротив витрины портного. Там, наряду с современными твидовыми костюмами, в любой из которых мужчина мысленно мог бы себя приодеть, виднелось и его собственное отражение в выцветшей коричневой одежде, доставшейся ему после постановки «Мармадюк Мандевиль», то есть еще за год до войны. Солнце в этом проклятом городе светило уж слишком ярко, нанося непоправимый вред одежде в области швов и петель, коленей и локтей. И тем не менее Кейстер испытал некоторое подобие</p>

conspicuous in his dark hair, above that shadowy face always interesting to Gilbert Caister. They said it came from atrophy of the — something nerve, an effect of the war, undernourished tissue. Rather distinguished, perhaps, but—!

эстетического удовольствия от отражения элегантного человека, долгое время питавшегося лишь дважды в день, с добротной оправленным моноклем у карего глаза и в велюровой шляпе, сохранившейся у него с 1912 года - со времен «Воспитания Саймона». Перед витриной актер снял шляпу и заметил у себя нечто новое, повергшее его в недоумение, такой *mèche blanche*². Было ли это преимуществом либо, наоборот, началом конца? Прядь была зачесана на правую сторону и ярко выделялась на фоне темных волос, чуть выше мрачного лица, всегда казавшегося Гилберту Кейстеру таким привлекательным. Есть мнение, что это происходит в результате истощения — из-за постоянной нервозности, последствий войны или недостаточного питания тканей. В конце концов седина может просто стать его отличительной чертой, но все же...!